

Паульс Педро

13.10.93,

Медитация с дискотекой

К показам международного фестиваля современного танца примкнул Умирающий лебедь

Майя Крылова

Балетная жизнь Москвы уплотнилась до предела – в один вечер два танцевальных мероприятия, и оба гастрольные. В Международном доме музыки – выступления труппы современного танца Гонконга. В театре «Школа драматического искусства» – сольная программа Педро Паульса из цикла «Месяц современного французского танца в Москве». Хорошо хоть, что танец Педро перенесли на девять часов, и, если удрать с последних гонконгских эпизодов, можно было успеть на программу Паульса «Лебедь и т.д.». Название означает восемь вариаций на тему «Умирающего лебедя» в постановке восьми хореографов-женщин и в исполнении танцовщика-мужчины. Не новая в балете идея мускулистого, без «рюшечек», антиженственного Лебедя, окрашенная в данный слу-

чае еще и феминистским принципом отбора постановщиков, дала в итоге интересное качество. Шедевров среди показанных «Лебедей» не наблюдалось, но было интересно сравнивать интерпретацию музыки Сен-Санса в разных лебединых образах (и вытекающих из них аллегориях). Впрочем, женщины-хореографы, как одна, ассоциировали Лебедя с протестом против судьбы и подали его существом гордым и борющимся. Иногда символическая птица напоминала революционера на баррикадах или антиглобалиста на демонстрациях, были лебеди-философы, лебеди-проповедники и лебедимизантропы. А исполнитель Педро Паульс в принципе может вытянуть любую хореографию, настолько гибко и красиво движется его тело.

Совсем другое зрелище ожидало на гонконгской программе. Азиатская труппа состоит из

спортивного облика юношей и девушек, которые активно пропагандируют танец в широких гонконгских массах – общественные уроки танца, широкие образовательные программы и все такое прочее. Популяризаторская направленность, как и спортивная подготовка исполнителей, напрямую отражается на спектаклях: они больше похожи на постановку в честь открытия Олимпийских игр, чем на балет. Плюс мировоззренческая несокрушимая наивность, всегда удивляющая западного зрителя. Откуда она берется, понятно: это сегодняшняя форма существования очень древнего, мифологического мировоззрения, цельного, как скала, без рефлексии и сомнений. То есть рефлексия пытается себя обнаружить, но очень уж буквально: в балете «Ветер и огонь Китая» хореограф Вилли Цао напрямую, нос к носу, сталкивает что-то

древнее, медитативное (медленный танец в белых хламидах) и современное (быстрые, под мотивы местного хард-рока, пляски иллюстративного толка – на сцене толпа из дискотеки с мобильными телефонами, плеерами, микрофонами и компьютерами в руках). Другой опус из Гонконга, «Девять песен», другим путем стремится все к той же цели – соединить богатую историю Китая с новым пластическим языком. Здесь отанцованы древнейшие мифы, и если вы не знаток таковых и не чувствуете соль фразы из программки «Ши на белой черепахе преследует рыбу Вень», вам придется туго. Если же не вникать в суть «ши» и не требовать глубины от хореографии, а просто рассматривать «безукоризненный физический контроль» исполнителей, – получите удовольствие, сравнимое с выступлениями хорошего ансамбля эстрадного танца. ■

Независимая газ. - 2003 - 13 окт. - с. 8.